

Отдѣлъ I. Преданія.

А. Оркино.

Mi-nik válińt ta-rkasa sediki-lä ulni-št rozbo-jnekeń statt.
Mon mari-n syri lo-maniń pelďä vä-ŋkiń ta-rkada, šty šesa-ärä-š
Šteńka. Ra-žin. Še ta-rkaš nejga-k pek parćtä soda-vä: ozór-
né-jška pa-nda karda-zyń po-nasa, lämi-za i nejga-k: Käv-i-n
ka-rdaz; kunčkavi-cynza gu-byr, gu-byryńt prá-sa tumavirná,
a šefť ku-nčkasa, gu-byryńt prá-sa ko-lmy ki-liŋť, ki-liŋiń ala
lišma-prá. Ata-tná kortě-ť, šty še ta-rkasyńt sama-j äřä-št roz-
bo-jneknä, a uša pelksěza pa-ndyńt vä-ŋkiń pe-lej prok o-řta. A
krugo-myza a-slyn ka-rdaz. Sa-maj pa-ndyńt prá-va ašcy vi-rná
prok la-ta, a alksy-za prok kä-viń šte-na. Še šte-nańti méret

На мѣстѣ нашей деревни были нѣкогда разбойничьи притоны.
Я слышалъ отъ старыхъ людей насчетъ одного мѣста, что тамъ
жилъ Стенька Разинъ. Это мѣсто и теперь можно очень хорошо
узнать: огромная гора, похожая на дворъ, имя ея и теперь: Ка-
менный дворъ; на серединѣ ея бугоръ, на бугрѣ дубовый лѣ-
сокъ, а на самой серединѣ, на вершинѣ этого бугра три березы,
подъ березами родникъ. Старики говорятъ, что на этомъ самомъ
мѣстѣ жили разбойники, а наружная сторона той горы съ одной
стороны похожа на ворота. А вокругъ нея какъ есть дворъ.
По самой вершинѣ горы—лѣсокъ, словно крыша, а низъ ея словно

Kāvi-n ka-rdaz ča-ma. Karda-zynt ājsta vā pe-lej ašcy-t kafta pantt sā-rīḡt, a pona-st prok tā-ḡtīrīn pott. Ne pantnyñ lāmi-st Karau-lnyj pantt. Atātnā jofne-t, ža-rda ārās Šte-nka Ra-žin, to ne pa-ntnyñ laḡksa syn vanfni-št Kija-va juty-čat i bu-ta to-sta mo-dañt pačk ulni-š vetaf čep. Kodak neje-t ju-tyčat, to syn i nockofcēz še čepent, a še čepent pā-sa ulni-š šulma-f ba-jaga. Jalga-st, koda-k maḡa-syž še ba-jagañt, i liši-t kila-ḡks. A šeči tovō-la pokš ki pe-lej ulā la-tka, lāmi-za Ba-na la-tka, byta syn še-zēn jakši-št ba-na-s pa-ra-ma. A še latkynt tomba-lā uli Čakš la-tka. Še la-tkynti jakši-št minik dedu-žynyk Paznyñ kašā-n pidiñā: ištama synst ulni-š koje-st. Eščo vā-ḡkiñ ta-rkasa ulā panda lāmi-za Kože-lēn-strup. Še pa-ndynt a-ly la-tka, lāmi-za Kože-lēn-strup-la-tka. I vot mā-št jofne-t minik ruzy-n ata-nyk: kyda- vāli-š tesa-ara-sil, še latksynt ārā-št rozbo-jnekt; ulni-št ze-mḡlaḡka-st. Žemḡlaḡka-synt syn ārci-št i ulni-š mary-st vā-ḡki tā-ḡtīr. Kyda vāli-tñā karmašt oza-ma malaḡ, syn duma-št kadu-mynza

каменная стена. Эту стену называют лицевою стороною Каменного двора. Въ сторонѣ отъ этого двора расположены двѣ высокія горы, а видъ ихъ словно дѣвичьи титыки. Имя этихъ горъ—Караульные горы. Старики рассказываютъ, что когда жилъ Стенька Разинъ, то разбойники на этихъ горахъ подкарауливали проезжавшихъ по дорогѣ, и будто оттуда сквозь земли была протянута цѣпь. Какъ только увидятъ проезжающихъ, они и дернутъ эту цѣпь, а къ концу этой цѣпи былъ привязанъ колоколъ. Какъ услышатъ ихъ товарищи тогъ колоколъ, они и выйдутъ на дорогу. А еще дальше къ большой дорогѣ есть оврагъ по имени Банный оврагъ: будто они ходили туда париться въ баню. А по другой сторонѣ этого оврага Горшковый оврагъ. Въ этотъ оврагъ наши дѣды ходили варить кашу для Бога: такой у нихъ былъ обычай. Еще въ одномъ мѣстѣ есть гора по имени Козлиный срубъ. Подъ этой горой оврагъ по имени «оврагъ Козлиного сруба». И вотъ что рассказываютъ наши русскіе старики:

te tarka·ńt i tuji·ms dašy. Dumaš i syrga·št, a še tā·χ tirińt kady·ž
 žemlaŋka·ńti, pekstéz i tušt. A tāχti·rińt pokšest pek večke·lčā.
 Žal dānga ma·rāvā. Kyda· molčt vāpe·lej, son mēā: ēχ, bratcy,
 vėd mon sońčāvi·ča perčatkam stufty·ńā; tyń ažiđā sa·sta, a mon
 čyńan, nat, sajsa· i sasa·tadyž. Molč žemlaŋkańti, lif'ti·žā tāχ-
 ti·rińt i mērc tānga: «mīń nej tuta·na fe·sta, a ton hēsa·k ona
 še tuža pa·ndyńt; še pandyńt ala u·lā ruz vā·līnā, molč še vālińti
 i āra·k, a biđi līsa·t mīrdi·ńiń i karmi·t āra·vuma tāt jarma·kt,
 sak tej; panžyk žemla·ŋkańt i kučyk mīrdi·t jarma·k mā·lga;
 ža·ra tāŋk ā·rāvīt, šnara i saji·da, a tońc ila· sua, a biđi tońc su-
 va·t žemla·ŋkańti, to ton fesk kadu·vat». I tuš jalga·nza sasa·ma.
 A te tuš Loχa· pe·lej: še vālińińt lā·miza ulńi·s Lo·χa. Molč
 to·zēń i ara·s vā·χki loma·ńiń i āra·s kecē·nza robō·tnekeks.
 A vāχki u·lńis še vā·lisyńt kodamy biđi Paznyń o·znēca čo·ra.
 Rusny mērnešt tānga· Byhamo·l.

A mīńik vā·lis karma·s toža oza·ma: pe·rvěj sas O·rka a·ta

когда здѣсь не было этого села, въ этомъ оврагѣ были разбой-
 ники; у нихъ были землянки. Въ тѣхъ землянкахъ они жили, и была
 съ ними одна дѣвушка. Какъ по близости стали населяться села, они
 рѣшили оставить это мѣсто и уйти подальше. Рѣшили и собрались,
 а ту дѣвушку оставили въ землянкѣ, заперли ее и ушли. А дѣ-
 вушку очень любилъ ихъ атаманъ. Ему стало жаль ея. Когда они
 ушли далеко, онъ говорить: «эхъ, братцы, вѣдь я позабылъ
 свою перчатку самобойную; вы, идите потихоньку, а я, зная, сбѣ-
 гаю, возьму ее и догоню васъ». Пришелъ онъ къ землянкѣ, вы-
 велъ дѣвушку и сказалъ ей: «мы теперь отсюда уйдемъ, а ты ви-
 дишь вотъ ту желтую гору; подъ той горой есть русская дере-
 вушка, иди въ ту деревню и живи, а если выйдешь за мужъ и
 нужны будутъ тебѣ деньги, приходи сюда; отопри землянку и
 пошли своего мужа за деньгами; сколько вамъ понадобится,
 столько возьмите, а сама ты не входи; а если ты сама войдешь
 въ землянку, то ты тамъ останешься». И пошелъ онъ догонять

kolmy čora·nza mar̄ta i ul̄ni·št̄ t̄ä·ŕti·ringa. M̄ajl̄ä saš K̄lim. Še K̄limys̄, jof̄net̄, pek̄ zdoro·u ul̄ni·s̄. Ä·rä·s̄ son tatar vä·lisa i m̄ä·ziñ kisa bid̄i so·nza čavyksyñz̄. Son sajs̄ du·bina i väť vo·rgeē i sašto·ža tej. Son O·rka a·t̄än t̄ä·ŕti·ringa sa·jižä koža·jkaks i karma·s̄ ä·rä·ma. M̄ä·jl̄ä saš Uču·s̄ ata.

Vot väli·s̄ karma·s̄ ala·myñ a·lamyñ puru·myma, a še t̄ä·ŕti·riš̄, kona· Lo·xa·s̄ tuš̄, ä·räš̄ ä·räš̄ robótnekeks̄, koža·jkaks Kijak ä·synza a·sajä. Son sa·jižä Bahamol čo·rañt̄ i kortēžä äšt̄ä·nza ur̄vaksēt̄ i tušt̄ ä·rä·ma O·rka vä·lij. Vot išt̄a a·lamyñ a·lamyñ i pru·mš̄če·la vä·lä.

Mon ikil̄i kortēñ: Kozelēñ·strup·latksta kyda· tušt̄ rozbo·jñe·kñä i kyda t̄ä·ŕti·riñt̄ no·ldēž̄, koda Lo·xas̄ pačkyč̄, koda· ä·räš̄, koda· vēñčä·s̄ i koda· tej m̄äkij ä·rä·ma saš Kučaguryñti. Karmašt̄ ä·rä·ma. Syñ m̄äžd̄ija·k äšt̄ pišt̄. Koda·k t̄äst̄ ä·rä·vit̄ jarma·kt̄, kil̄di·t̄ ala·ša, mo·let̄ žemlañka·ñti, peščet̄ žary t̄äst̄ ä·rä·vä; net̄ li·šit̄ e·ščo mo·le·t̄. Išt̄a· i ä·räšt̄. Čačē čo·rast̄ Mi·ška, ul̄ni·s̄ pek̄ pi·

товарицей. А эта пошла къ Лоху: имя той деревушки было Лохъ. Пришла она туда и опредѣлялась къ одному человѣку и жила у него работницей. А въ той деревнѣ жилъ какой-то (постоянно) молившійся Богу мужчина. Русскіе называли его Богомоломъ.

А наше село также стало населяться: первымъ пришелъ старикъ Орька съ тремя своими сыновьями, и были у него (также) дочери. Послѣ пришелъ Климъ. Тотъ Климъ, сказываютъ, былъ очень сильный. Онъ жилъ въ татарской деревнѣ, и его за что-то захотѣли убить. Онъ взялъ дубину, убѣжалъ ночью и также пришелъ сюда. Онъ взялъ въ жены дочь старика Орьки и сталъ жить. Потомъ пришелъ старикъ Учусъ.

Вотъ село и стало понемножку собираться, а та дѣвушка, которая ушла въ Лохъ, жила въ работахъ; въ жены никто ея не бралъ. Она взяла и приговорила себѣ Богомола; они поженились и ушли жить въ Орькину деревню. Вотъ такъ понемногу и собралось цѣлое село.

ja-níca, syń sońdānga kazna-ńt āziž nefńā. Miška-ń ćora-nza ulńi-śt ko-lma: Petru-za, Ignaska da Še-mka. Petru-zań ćora-za ulńis a-ńcik vā-χki: Iva-n, Iva-nyń ćora-nza vā-tā: vāši salda-tt. Pokšē-ńt lām Mi-ška, ombō-ćen še-mka, kolmō-ćen Za-cha-rka, nili-ćin Davy-dka, vāti-ćin Ġri-ška. Ġriška-ś, Davytkaś i Zaxarkaś nejgak služba-syt, a net ku-cyt. Vot syń zynć jo-fneśt i tarkańt nefńež, a syńdāst baba-st nefńe-žā ko-sy kazna-ś aščā. Mon jońne-ń tāt Klī-mda, koda son saś, koda urvakśe, sajs ko-za-jka Ofka-ń dā-χtir. Klīmy-ń ćora-nza ulńi-śt nilā: pokšē-ńt lāmi-za La-fa, ombō-ćen Troša, kolmō-ćen Ba-lgoń, nili-ćin Va-sil. La-fa-ń ćora-nza ulńi-śt ka-fta: Feda-j i Mi-ša. Miša-ń ćora-nza nilā: Aki-m, O-cha, E-ūsej, Pa-vol. Fedāń ćora-nza vāfā: Ilja-, Zota-, Vaša-, Pka-, Dro-ńā. Net vāši žif-t Ilja-da ba-ška. Troša-ń ulńi-ś ćora-za I-van, Iva-nyń ćora-nza ni-lā: pokšēnt lāmiza Onta-, ombōceksēnt Maksi-m, kolmō-ćenť Kifor, nili-ćinť Iva-n. Onta-ń ćo-ranga kafta: Iogy-ń i Lo-va. Iogy-ryń ćora-nza ka-fta: Miki-I,

Я раньше говорилъ, какъ разбойники ушли изъ «оврага Козиннаго сруба» и какъ они оставили дѣвушку, какъ она дошла до Леха, какъ жила, какъ повѣнчалась и какъ пришла сюда опять жить въ Кучугуры. Стали они жить. Они ни въ чемъ не нуждались. Какъ становились имъ нужны деньги, запрягутъ лошадь, поѣдутъ къ землянкѣ, насыплютъ сколько имъ нужно; эти деньги выйдутъ, поѣдутъ еще. Такъ они и жили. Родился у нихъ сынъ Михайлъ, онъ былъ большимъ пьяницей, они ему не показывали клада. У Михайла было три сына: Петръ, Игнатій и Семень. У Петра было только одинъ сынъ Иванъ, у Ивана пять сыновей: всѣ они стали солдатами. Старшему имя Михайлъ, второму Семень, третьему Захаръ, четвертому Давыдъ, пятому Григорій. Григорій, Давыдъ и Захаръ и теперь на службѣ, а эти дома. Вотъ они сами рассказали и показали мѣсто, а имъ показала ихъ бабушка, гдѣ находился кладъ. Я рассказалъ тебѣ про Клима, какъ онъ пришелъ, какъ поженился, взялъ въ жены Орькину

Šta-pan. Miki-lyń čora-za ara-s. Štapa-nyń vä-žkă. Ivan a-tăń
ńılı čora-nza: Iuka, Da-ńil, A-ndřej, Io-gyr, i sońć žiŋ, godě-nza
kauksyńgămıń vätiška ¹⁾.

Minik vä-lisa uli-t lomatt esčo- šedi pek syri-t, i ne lo-matńıń

дочь. У Климма было четыре сына: старшему имя Ларіонъ, вто-
рому Трофимъ, третьему Балгоръ, четвертому Василій. У Ларіона
было два сына: Оедоръ и Михайлъ. У Михайла четыре сына:
Акимъ, Аѳанасій, Евсѣй, Павелъ. У Оедора пять сыновей: Ильа,
Зотъ, Василій, Иларіонъ, Андронъ. Эти всѣ, кромѣ Ильи, живы.
У Трофима былъ сынъ Иванъ, у Ивана четыре сына: старшему
имя Антонъ, второму Михайлъ, третьему Никифоръ, четвертому
Иванъ. У Антона два сына: Егоръ и Леонтій. У Егора два сына:
Николай и Степанъ. У Николая нѣтъ сына. У Степана одинъ
сынъ. У старика Ивана четыре сына: Ивка, Данила, Андрей, Егоръ,
и самъ онъ живъ, лѣтъ ему около восьмидесяти пяти. ¹⁾.

Въ нашемъ селѣ есть люди еще болѣе старые, и рассказывать

1) Къ этимъ родословнымъ въ послѣдствіи мнѣ была сообщена поправка:
«Куяшовъ пришелъ изъ Яблонки Вольскаго или Хвалынскаго уѣзда. Онъ былъ
русскій. Звали его Сергѣемъ. У него былъ сынъ Петръ. Петра прозвали Бого-
молонъ, потому что онъ все славилъ Бога, когда его билъ отецъ; отъ него
пошли Богомолы. У Петра былъ сынъ Василій. У Василя—Василій, Иванъ,
Тимоей. Василій принялъ къ себѣ въ домъ зятя, а мужского потомства не
имѣлъ. Тимоей пошелъ на службу и померъ. У Ивана сыновья: Семенъ, Ми-
ханлъ, Андрей, Захаръ, Давыдъ, Григорій (Андрей померъ, остальные живы).
Еще пришелъ Виртянъ; его окрестили и назвали Василиемъ а отца его звали Ое-
доромъ. У Василя были сыновья: Дрига (Григорій), Онта, Гаври, Мирѣнъ. Ми-
рѣнъ былъ слѣпой. Дрига померъ бездѣтнымъ. У Антона сыновья: Обрамъ, Сема,
Елисѣй, Сема. У Обрама—Алексѣй, Прока, Васька. Прока и Васька померли. У
Алексѣя сыновья: Василій, Трохимъ, Стяпанъ (Стяпанъ померъ бездѣтнымъ,
Трохимъ живъ). Василій померъ; съ сыновья: Максимъ, Иванъ, Сема (живы).
У Гаврилы сына Василенъ сынъ Иванъ, а у Ивана Емелька, Фѣдять, Акимъ
Мирѣнъ; ихъ сыновья живы сейчасъ всѣ.—Антонъ и потомки ихъ получили
фамилію «Вертянкины», а Гаврилу прозвали «Кимй» (дорога назадъ); теперь
фамилія ихъ «Кечайкины».

mon tāt jofnēmest aka·rman. Vāši loma·tnā vāχti·vāχti a jo·fne·
vēt. Iofta·n tāt vāχkā. Mīnik vā·līnyk pokš: āsy·nza kolēngā·mīn
śada lo·mañ čo·rat da ava·t žary·ja. Mon robōtakšnan paft i
monđān kaññi·kšnyť šedikilīn čuft. Vā škañā kanēt tān do·ska,
kāli·za kolmy va·ksyška, krugo·myza pa·myrif. Karmī·n lakši·mā
i vanu·ma, slojga·nza ašyza ara·ś. Mon dē čufctyūt saji·n pŕefť,
ko·sta ištama čufty·ś saji·jś. Saś te afā·s paŕint mālga; mon o·zēn,
targa·fityā i karmī·n kāñkšni·mīnza, a syrā afā·tnā pek vēčksēz
jofne·mañt nēnēn, ki paŕcti āsy·st kulcy·nā. Mon i kāñkšti·nā so·n
za: «Dē·daj! kosta ton dē doska·nt saji·k?» — «Tē doska·nt? Tē dos
ka·ś avyl va·syldyn». — «A ko·stēn?» — «Dy vot kostēn; vant, mon
tāt nēfca·». Štās i līsē lata·lga i nēfē su·rea pa·nda ča·mas i
mērē: «Vot te·sta». Mon mēra·n fānza: «Dy son kosta praśsezēn?
Še·sa vīr gak ara·ś; tesa goľ zatt». Son i mērā: «Tesy ulñi·ś vīr». Mon
mēra·n dānza: «A vēd mon apo·māsa». — «Xm! kosta toñ
dāt, čora·m, pomā·ms; mon vājksy·ngāmīn vāti godan i to

тебѣ объ этихъ людяхъ я не буду. Обо всѣхъ людяхъ по одиночкѣ
не расскажешь. Расскажу тебѣ объ одномъ. Наше село большое;
въ немъ тридцать сотенъ человекъ мужеска полу да женщинъ
много. Я дѣлаю кадушки и мнѣ приносятъ старинный лѣсъ. Од
нажды мнѣ принесли доску, шириной около трехъ четвертей, со
всѣхъ сторонъ обкрошенную. Я сталъ тесать ее и осматривать,
по слоямъ ея бѣли нѣтъ. Я заинтересовался этимъ деревомъ; от
куда взялось такое дерево. Пришелъ этотъ старикъ за кадушкой, я
сѣлъ, угостилъ его папирсой и сталъ его разспрашивать, а ста
рые люди очень любятъ рассказывать тѣмъ, кто хорошо ихъ
слушаетъ. Я и спросилъ его: «Дѣдушка! откуда ты взялъ эту
доску?» — «Эту доску? Доска эта не издалека». — «А откуда?» —
«Да вотъ откуда; смотри я покажу тебѣ». Онъ всталъ и выпелъ
изъ подъ сарая и показалъ пальцемъ на уклонъ горы и сказалъ:
«Вотъ отсюда». Я говорю ему: «Да какъ она туда попала? Тамъ нѣтъ
даже лѣса; здѣсь одни сады». Онъ и говорить: «Здѣсь былъ лѣсъ».

apo-mnása, a moň dedužym jofne-s moňdä-ň; son váši sodasy-ň-žä, kodatt tija vířt ulňi-šť, kua- rozbo-jněkt ulňi-šť, kosy kalmy-št ulňi-šť, kyda- apak ländä ulňi-šť. Mon kăŋkšti-ňä: «Kosa?» Son íef'é fän surca: «Vona še-sa; šeks i íeřet še pandyčamaňti: ka-l-mazyr. Še pandyčamasyňt, vona še ta-rkasyňt nejga-k koda-k čudiki-lkska vä-diš molä-, lija-sta kandylast štaftä. Moň dedužym fäfa-za fejäřama saš. Kyda- rozbojněknä fe-sta stračt, teze-ň sašt äři-čat. Orka a-fäs saš véřepe-lďä, koňovózy jak modaň kualma ulňi-š; a osta-tka loma-ťňä sašt kona kosta porgs: at, Bahamol saš Loza-sta, Ramado-ŋkoŋ saš, kortet, Čibirčeta, a Čapli-n zaš—še vídipara Čibirčeta uš vorge-č. Íšta- váli-š i prumš. Kona saldatčy-dä vorge-č, a konat rozbojdi mäjľä kaduňšt; a kyk čerkoant fäjiňi karmašt, koda-bidi narodeš až satnä čerkova-ňti, pokš kila-ŋga jak kuňci-šť E-řžat da karmafňišt tesa- äřa-ma. Neň uš kuňci-ž avy-ř

Я ему говорю: «А вѣдь я не помню». — «Гм! Откуда тебѣ, сынъ мой, помнить; мнѣ девяносто пять лѣтъ, и то я не помню, а мнѣ разсказывалъ мой дѣдушка; онъ все зналъ, какіе по этимъ мѣстамъ были лѣса, по какимъ мѣстамъ были разбойники, гдѣ было ихъ кладбище, когда они были некрещены». — Я спросилъ: «Гдѣ?» Онъ показалъ мнѣ пальцемъ: «Вотъ тамъ; оттого и называютъ этотъ склонъ горы кладбищемъ. На томъ склонѣ горы, вотъ въ томъ мѣстѣ и теперь, когда вода идетъ ручьями, она другой разъ вымываетъ гробы. Отецъ моего дѣдушки пришелъ сюда на жительство. Когда разбойники разошлись отсюда, сюда пришли жители. Старикъ Орька пришелъ съ верхней стороны, у него была и бумага на землю, а остальные люди пришли кто откуда попался; вотъ Богомолъ пришелъ изъ Лоха, Рамадѣнковъ пришелъ, говорятъ, изъ Сибири, а Цаплинъ пришелъ — тотъ ужъ прямо убѣжалъ изъ Сибири. Такъ и собралось село. Кто убѣжалъ отъ солдатчины, а кто остался послѣ разбойниковъ; а какъ стали строить церковь, если народу не хватало для церкви, ловили Эрзяковъ даже на большой дорогѣ и заставляли жить здѣсь. Этихъ ловили ужъ не мужики, а въ то время

mužykt, a še po·rava ul'ni·ś starystanyk Maža·rkiŋkaŋ ro·dén; še p'ervoj stary·stanyk ul'ni·ś.

«Kyda váli·ś eščo arašil, tesy ářášť rozbo·jnékt, a P'etróskejes ul'ni·ś. Rozbo·jnéknā tesa grabášť, a gorò·tea ul'ništ ištatt loma·nist: usksi·št fäst vina·, poròžt, ružy·jat, syvi·lť, i biđi saldatt syť vášni·mā rozbo·jnékeŋ, net syť jofta·ma. A ton kit duma·t ul'ništ jalga·st? Po·pòś dy go·lovaš. Vot popò·ś i golo·vaš pek šupa·lgačť p'eldest i duma·št kodaja·k kadu·myst. Popò·ś sas i me·řā: «Vot mášť, bra·tey, aži·da tesa·, ato syť salda·tt, kuŋciťadyž, mi·ndānik kak golovaŋť marta ame·nems; a biđā aku·leynysamiž, p'ena·čada āš la·ŋgyzyŋk, a mon āsty·ŋk otkā·zan». — «Koda otkaza·t?» — «Išta·k i otkā·zan». — «A miŋ jofta·tadyž.» — «A tyŋk akā·mfa·dyž.» — «Kāmsa·miž». — «A mon molan da šičas jofta·tadyž, vot tyŋk i kuŋci·ťadyž». Synst ke·žest sašť, sa·již i po·ve·ž po·pòŋť. Vot šeks i me·re·ť: P'opòŋ če·lnā la·tka. So·nzy če·lnazy ja·k tesk ul'ni·ś. A golo·vaš mášť řajš? Uskš bočke·nā pu·řā, uskš pi·va, a jutky-

у насъ былъ староста изъ Мазяркинова роду; тотъ былъ нашимъ первымъ старостой.

«Когда села еще не было, здѣсь жили разбойники, а Петровскъ (уже) существовалъ. Разбойники грабили здѣсь, а въ городѣ у нихъ были такіе люди: привозили имъ вина, пороху, ружья, мяса, и если приходили солдаты искать разбойниковъ, то эти (люди) приходили сказать. А кто, ты думаешь были ихъ товарищами? Попъ и голова. Вотъ тотъ попъ и тотъ голова сильно разбогатѣли отъ нихъ и рѣшили какъ нибудь ихъ оставить. Попъ пришелъ и говорить: «Вотъ что, братцы, идите отсюда, а то придутъ солдаты, истребятъ васъ и намъ съ головой не вырваться; а если вы меня не послушаете, пеняйте на себя, а я отъ васъ отрекусь?» — «Какъ ты отречешься?» — «Такъ и отрекусь». — «А мы скажемъ про тебя.» — «А вамъ не повѣрять.» — «Намъ повѣрять.» — «А я пойду да сейчасъ скажу про васъ; вотъ васъ и переловятъ». Они разсердились и повѣсили попа. Вотъ поэтому и называютъ: «оврагъ попова пчельника». У него былъ

zyst špirt kaja-š, saš täst i karma-š mary-st gulä-jama. Išta ší-mđínžä, váši prakšnyšt kulyi-řictyt. Son saji-ňžä, prást i kār-čínžä. A-ńčík vanfty-čast, ko-na ulńis väpe-lä, še-ki kadu-ųs. Še pandyńti, kosa kārčínžä, Božadom měre-t. A vot kyda- váli-š karma-š ära-ma, oza-št ona še lej čy-řinťi; šeks i měre-t: Ära-ma-lej, a son šesty ja-k koške-ř.

«Mažarkań čelńa la-tksa ulńi-š pokš ři-šma; syn váli-ž zo-ńza, a Čakš la-tksa išta-myška, keři, ulńi-š ři-šma; rozbo-jńekńä sra-zu o-bóz pona toze-ń jači-št i řekstěž, kizda-sy mň-žinń. A kyda-mńiń ka-rmńinńik ära-ma, tesy väd' ara-sil, nu oze-rat řek lama ulńi-št; a šija- ulńi-št istatt vřřř, avyl utka-t dy mačiřřř, řeběřř ka-k řřči-št. A Po-jkař e-řkeńt sodasak? — «Soda-sa». — Mäži äjstynza soda-t? — «Mon pomńan ři-řdij ko-řett to-sta». — Aa! řildj-j goře-tt, a mon pomńa-n, šija- ulńis išta-myška pojpu-la, a

тамъ и пчельникъ. А что сдѣлалъ голова? Привезъ боченокъ меду, привезъ пива, а въ нихъ влилъ спиртъ; пришелъ къ нимъ и сталъ съ ними гулять. Такъ наполнилъ ихъ, что всѣ попадали мертвецки пьяными. Онъ взялъ ихъ и срубилъ имъ головы. Только карауль-ный, который былъ въ отдаленіи, тотъ остался. Ту гору, гдѣ онъ ихъ зарубилъ, называютъ Божедомомъ. А вотъ какъ стало заселяться село, они сажались вотъ по тому берегу рѣки; оттого и называютъ ее «Жытельская рѣка», а она и тогда была сухая.

«Въ «оврагѣ Мазяркина пчельника» былъ большой родникъ; они его завалили, а въ «Горпковомъ оврагѣ» былъ, говорятъ, такой же родникъ; разбойники втискали туда сразу обозъ шерсти и запрудили его неизвѣстно для чего. А когда мы стали жить, здѣсь не было воды, но было очень много озеръ. А по тому мѣсту были такія воды, что водились не только утки и гуси, но даже лебеди. А знаешь Осинное озеро? — «Знаю». — Что ты о немъ знаешь? — «Я помню тамъ кочки». — Аа! кочки, а я помню, по тому мѣсту былъ такой осинникъ, а какъ пойдешь черезъ осинникъ къ озеру, туда нельзя ступить, пропадешь. Вся земля трясется. Тамъ то-

pojplynt pačk koda·k ju·tat e·rkeñt pe·lej, tozè·n čalga·ms nelža·, juma·t. Vášì mo·daš te·rñä. Šezèñ skalt vajši·št; koda·k tozè·n čalgä i tu·jä mo·dañti, baraxta·ma karñä, šedija·k tujä. i šnare bara·χtä, žare souše·m aju·mä. Vot koda·tt ulñi·št oze·rat tija·!

A väli·nyk karma·s oza·ma Ära·ma lejeñt to·na bo·kas. A tija·ulñi·s bo·lota. Še·sa o·na ulñi·s Orkañ karda·zyza, čela de·štena, väšij dy·ney píra·f, i mošta·f vä·si u·lñis ču·fca. A kyda·karma·št ära·ma naro·dès bo·lšy, šesta· tija·jak bolota·tnä karma·št koš·ke·mä, ti·ja jak karma·št oza·ma. A jagy·datñä ulñi·št šedikilä χyt ředež leťt, a vir ja·gydatñiñ kijak äs ko·čksä jak: ulñi·št i iñži·χt i čeñk i atama·řt i vädi·ñžiχt, a sara·zyn žalñi·tniñ lañks kijak äž va·mny jak. A pañknä, Vo·spodi! moñ pomñamga jak χyt ko·jmesa kyrga·k. A viri·s kodam' ulñi·s! Ko·sy nej va·na od ka·lmytnä, še·sa išta·tt kilä·χt ulñišt oxva·ta po·tri. A kosy nej va·na Kälila·tkys, šesa išta·my ulñi·s tumyvi·r, stra·s ža·ryška äčki·za, a Ğrišalatks äšt ja·ksi jak. Ğrišališmañt avy·I pek umyk mu·již gak. Ona Gor-

лули коровы; какъ ступить туда и пойдеть подь землю; начнеть выкарабкиваться, пойдеть дальше и до тѣхъ поръ будетъ выкарабкиваться, пока совсѣмъ не пропадеть. Вотъ какія были озера по этому мѣсту.

«А село наше стало населяться по ту сторону «Жительской» рѣки. А по этому боку было болото. Тамъ вонъ былъ дворъ Орьки, цѣлая десятина, весь онъ былъ огороженъ тыномъ и весь вымощенъ деревомъ. А какъ стало селиться больше народа, тогда и тутъ болота начали высыхать и стали селиться и по этому боку. А ягодъ было въ старину хотъ косой коси, а лѣсныхъ ягодъ никто даже и не собиравъ; была и малина и калина и вишня и водяная малина, а на костянику никто и не смотрѣлъ. А грибы, Господи! и на моей памяти хотъ лопатой гребн. А какой былъ лѣсъ! Гдѣ вотъ теперь новое кладбище, тамъ были такія березы, въ три обхвата. А гдѣ теперь вотъ Широкий оврагъ, тамъ былъ дубовый лѣсъ, страсть какой толстый, а въ «Грипинъ оврагъ» даже не ходили

bačyn kārāfys, te-sk i lišmaprānt kak sodasa-k. Polo-žym, nej son ko-šks. A a-žika Igiŋka-nin, synst ulā anduma očkēst tu-myŋ to-sta u-skuf, dēdu-žyst u-skižā, žary-ška; dy vot i minī-k ton kā-ŋkšnat doskaŋt ājsa. Son vot ko-sty saji-f. (Dēdu-žym jofne-žā). Vāli-s palē bez ma-lava datla-, a Iurta-jiŋkaŋ ka-duŋst; synct ulni-št utu-myst. Vot min vā-žkiŋ i raŋi-nik. Son čapu-ft vany te pandy ča-mastynt. Šesty āšt pi-lēā vi-tiŋt ājsa, a doska-ks la-znyž lazny-št, i vot ne do-skatnā kadu-ŋst se u-tumstynt. Tosy- ulni-št kijaksyks i suŋsi-kiks. Utumys na-ksac, a kija-ksys kadu-ŋst. Nej vana vādġamiŋ god, koda min dā-jiŋik ija- u-tum i še kija-ksynt kāpi-dīnik te utumy-ŋti. Doska-tiŋiŋ pilēi-nik troks kaftuŋ kaftuŋ, i to vačkamstyst kotēnek ku-ŋciŋik.

«A vot mon stuffy-nā tāt jofta-ms. Kyda- ulni-št utu-mys ēe-la, tija- Puga-ēt juta-št. Syn bojar dy pop pouše-št jala. Kro-potovon boja-rynt poa-ksyliž, a son kudynza kadyžā, da tej. Alašant no-l-

Гришинъ родникъ не очень давно и нашли. Вотъ Горбачева порубка, тутъ же узнаешь и голову родника. Положимъ, онъ теперь высохъ. А пойдѣ-ка къ Игнатьевымъ, у нихъ есть дубовая колода, вывезенная оттуда, ихъ дѣдушка вывезъ давно; да вотъ ты спрашиваешь о нашей доскѣ. Она вотъ откуда взята. (Мнѣ это разсказалъ дѣдушка). Село сгорѣло безъ малаго до тла, а Юртаевы остались: у нихъ были амбары. Вотъ мы и купили одинъ амбаръ. Онъ срубленъ вотъ съ того склона горы. Тогда не пилили лѣсъ, а, раскалывая его, кололи на доски, и вотъ эти доски остались отъ того амбара. Тамъ онѣ и служили половицами и сусѣками. Амбаръ сгнилъ, а полъ остался. Теперь вотъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы выстроили другой амбаръ, и тотъ полъ мы перенесли въ этотъ амбаръ. Доски мы распилили поперекъ на двое; и то мы брались вшестеромъ, чтобы ихъ накладывать.

«А вотъ я забылъ разсказать тебѣ. Когда амбаръ былъ цѣлъ, по этой мѣстности проходили Пугачевцы. Они все вѣшали господъ и поновъ. Они хотѣли повѣсить барина Кропотова, но онъ оставилъ

dězā, sońc mīndāńik mērā: «Kekšēmez; mońc kak pary tǎŋk tǎjan». Dēdužym i ke-kšēzā utumy-ńti, dy to-n duma-k, koda āzi-ž muk, votko-sy pǎ-jdīmaš. Dēdam suvaftyzā u-tums, a suŋsi-kńi ulńi-št pe-škšet su-ryda. Son su-ŋsiks šurypo-c va-lizā laŋks, a kurgy-zynza maksē nu-dij, ila-zy lepe-ja. Puga-čńi i kǎŋkšńi-št i vǎš-ńi-št, āž mujiŋ dǎst. Utu-myńtiŋ gak, keŋi, suŋsi-št. Vany-t, pe-škšā su-ryda, mǎžija-k ara-s, i tušt. A sonza mǎjlā no-ldež. Eščo. Xrancu-st suŋsi-št tǎńi-k, kudga-ārā-št, mǎjli koŋ bi-dǎ saji-ž.

«Čerko-vanyk vǎšna- ulńi-s ona še-sa, kosy nej časopnehes a-ščā, a ko-sy nej Maža-rkiŋkat, šesa ulńi-s išta-myška bo-lota, a jo-ftavi jak. Sezē-n jala vīr valā-št.

«Vot mon dāt jofne-sa, koda karma-s vǎli-s pokšelga-duma istraduma, tomba-ldā vǎšna-oza-št kalgurys, ištaža vǎ po-ŋatkas, i karmašt še poŋa-tkańti mēre-mā Kalgu-ra. Saraj a-ta oza-s to-

свой домъ, да сюда. Лошадь онъ пустилъ, а самъ къ намъ; говорить: «Спрячьте меня, и я вамъ сдѣлаю добро». Дѣдушка мой и спряталъ его въ амбаръ; да ты подумай, вотъ гдѣ было смѣху когда его не нашли. Дѣдушка ввелъ его въ амбаръ, а сусѣки были полны хлѣба. Онъ завалилъ его въ сусѣкѣ въ хлѣбъ, а въ ротъ далъ ему камышевую дудку, чтобы онъ не задохнулся. Пугачевцы и спрашивали и искали, не нашли. Говорятъ, они заходили и въ амбаръ. Видятъ, полно хлѣба, ничего въ немъ нѣтъ, и ушли. А его потомъ выпустили. Еще заходили къ намъ французы, жили по избамъ, потомъ куда-то ихъ взяли.

«Церковь у насъ сначала была вотъ тамъ, гдѣ теперь часовенка, а тамъ, гдѣ теперь Мазяркины, было такое болото, что я не расскажешь. Въ это болото постоянно валили лѣсъ.

«Вотъ я скажу тебѣ, что, когда село стало увеличиваться и разселяться, сначала селились на той сторонѣ, у ивовыхъ кустовъ, также въ одномъ порядкѣ и стали называть этотъ порядокъ Каль-

võ-loŭ i karma-št meře-mä Sara-jiñ po-fatka. Mäjli oza-š Ku-daš ata i karma-št meře-mä Kuda-šyñ ku-riñka. Mäjli karma-št oza-ma Ära-my le-jent te bo-kas, a tesy- ulñi-š, mon dät meřen, bo-löta, a bolöta-ñt veri päš karmašt meřenä Verepä-; a kyda-bolö-taš karma-š koške-mä, karmašt tiya ja-k oza-ma u-läsa i pučt tänga lām Pro-(v)al u-läa. Mäjli čušt li-šma po-kš; vädi-š äjsy-nza para, nu soñc verä; karmašt šezë-ñ gak oza-ma i pučt lām še u-läñti Verili-šma u-läa.

«A vot mon mä-št tät jofta-n: ton zoda-sak mäks Le-kariñ-ka-ñiñ me-řet i-šta, a fañi-lijast Popo-ft, a Subo-tkiñkañ älä Zolö-ñkañ Podmaño-ft? — «Ara-š» — Vot kulcy-nyk, mon dät joñe-señ. Šediki-lä poññä- syñc ka-k sokse-št. Vot popó-ñt ulñi-š čora-za. Kizda-sy, mäks popó-ks äži-z putt. A so-n, kyda- tätaza ku-lyš, son karma-š leča-ma, i karma-št tängy meřne-mä: «le-kañ a songy- äjdiñza lekañläukst. A fañilijasa šorma-lisyž Popo-f.

гура (пвовый кустъ). Старикъ Сарай сѣлъ на ту сторону и стали называть: Сараевъ порядокъ. Потомъ поселился старикъ Кудашъ и стали называть Кудашевымъ курмышомъ. Потомъ стали селиться на этой сторонѣ «Жительской» рѣки, а здѣсь было, какъ я тебѣ говорилъ, болото, а верхній конецъ болота стали называть Верхнимъ концомъ; а когда болото стало высыхать, стали селиться и на этомъ мѣстѣ улицей и дали ей имя Провальная улица. Затѣмъ вырыли большой родникъ, вода въ немъ хорошая, но самъ онъ глубокъ; стали селиться и здѣсь и назвали эту улицу улицей Верхняго родника.

«А вотъ что я тебѣ расскажу: знаешь-ли почему Лѣкаревыхъ такъ прозываютъ, а фамилія ихъ Поповы, а почему Суботкиныхъ или Золинкиныхъ, а фамилія ихъ Пономаревы?—«Нѣтъ».—Вотъ послушай, я расскажу тебѣ. Въ старину и нынѣ сами пахали. Вотъ у попа былъ сынъ. Неизвѣстно почему, его не сдѣлали попомъ. А онъ, когда отецъ его померъ, сталъ лѣчить, и его стали называть лѣкаремъ, а дѣтей его лѣкарятами. А по фамилія ихъ всегда писали

A Zolò·ŋkañ deda·st ulñi·ś ponama·r. Čora·za toža išta·k kadu·ŋs. Karmaś sokše·mā, a pygavo·rkaza ulñi·ś «zylato·j». Soñé pokš ulñi·ś i karma·št tǎnga· méreñā Zo·la, a čora·za čačé a·lkiñi da ka·li·j. Pǎvi·nga kizda·sy koda·tt; mo·žna mérems čo·žža pǎ·ŋ. Pučt tǎ·nga pro·dešča: voz mo·na, ošme·na pa·pa, i šǎjrit tǎnga i·šta u·lčasa: Zo·la, voz mo·na, ošme·na pa·pa. Koda·k liši ulča·ŋ, a·ŋñi i šǎrgi·dīt išta·, a son mā·lgast čyjñā, da soŋñā, valgi·jza ā·čkā. Songa la·ŋksa koda apā·jdīt, taba·kyñ ġis karma·feyz mo·ra·ma — mo·rā, karma·feyz mora·ftuma — mora·ftā, karma·feyz kišcy·mā — ki·ščā.

A moñ po·mñamga, mon dāt jofta·sa, tǎjst od u·lča, čotña·nt toze·ñ puty·z, a tašty·nt miji·z ku·dyks. Šedī mā·jlā vǎli·styñt palét ŋilísatt ku·da, šesta vǎ·línť vǎ·ši odo·ŋ ara·fñiz. Še·sta a·fa palc, ā·ŋť žara bídā palcť, a ža·ra skote·na palcť, žara sarast

Поповыми. А дѣдушка Золикиныхъ былъ пономаремъ. Сынъ его тоже остался безъ должности. Онъ сталъ пахать, а поговоркой его было слово «золотой». Онъ выросъ и его стали называть Золой, а сынъ у него родился низенькій и широкій. Умъ его, кто его знаетъ, какой; можно сказать, что онъ идиотъ. Дали ему прозвище: возъ м., осьмина х., и кричать ему такъ на улицѣ: Зола, возъ м., осьмина х. Какъ онъ выйдетъ на улицу, дѣти и кричать такъ, а онъ бѣгаетъ за ними и бранится, голосъ у него густой. Когда надъ нимъ не смѣются, его заставляютъ за табакъ пѣть — онъ поетъ, заставляютъ пѣть духовныя пѣсни — поетъ, заставляютъ плясать — пляшетъ».

А и на моей памяти, скажу я тебѣ, сдѣлали новую улицу, поставили тамъ контору (сборную), а ту старую продали подъ домъ. Послѣ этого изъ деревни выгорѣло 400 домовъ, тогда всю деревню перепланировали за ново. Тогда сгорѣлъ старикъ, сгорѣло сколько

palcť! Šesta· ne tošto maćti·mā āli māžingak· lif'ti·mā, váši na·
roděs a·ńcik kapša·ś vořge·d'emā kińi·ń goŋ pa·ra. Vot še požar·
dyńt mā·jlā, tǎ·jšt kolmy ulčat, ulča·tńiń kǎ·lįsta kady·ž, oza·
fńimā karma·št lado·m: koda·k űiľi ku·dyt, jala pro·vólka. Raužy
kudy·tńiń toža po·mńasyń, avyl bek umy·k tǎvi·ś ulńi·ś. Tǎjšt
vǎli·zynyk u·čylńa, a vaśńa. po·p tona·fńiś. Nej mńińik ćerkova·
nyk kak od, kǎ·viń; teńga·k pokšelga·ftyž i mora·fńimā arći·
kšńi·fana, řegentěnek kak mńińcińik, a ře·ģentěńt lǎla·za psalo·m·
šeķeks ři·ść, a Kosě·jińkań ćora·st tiligrafi·styks ři·ść. Mǎjlā moń
po·mńamgak ulńi·ś ska·lyń gu·luma, řek lama skaľt ku·lcįśt, a
śedi mǎjlā ulńi·ś loma·ńiń gu·luma, da pomńa·n: vǎšt loma·ń
čaušt i kaji·ž bujaraks; ľǎńi·za ulńi·ś Doda·j Vańa. Śedi mǎ·jlā
vǎžki poašt i lif'tiž pa·ksas; kozě·ń po ve·ž še ulčapi·ńińti nejga·k
mėret Dušy·lofka. Da vot nej avy·ľ umyk čaušt loma·ń, ľǎńi·za
ulńi·ś Mi·kil, prodešča·za «Čykyda·j».

то дѣтей, а сколько скотины сгорѣло, сколько куръ! Тогда не то
что тушить, или что нибудь вытащить, но весь народъ только
спѣшили убѣжать кому куда можно. Вотъ послѣ этого пожара
сдѣлали три улицы, оставили улицы широкими, стали селить въ
порядкѣ: какъ четыре дома, всякій разъ проулокъ. Черныя избы
я также помню, дѣло было не очень давно. Построили въ на·
шемъ селѣ школу, а сначала училъ попъ. Теперь у насъ и
церковь новая, каменная, и эту расширили и мы становимся
пѣть, и регентъ изъ нашихъ; а старшій братъ регента вы·
шелъ въ псаломщики, а сынъ Косынькиныхъ вышелъ въ
телеграфисты. Потомъ и на моей памяти былъ падежъ ко·
ровъ, очень много пало коровъ, а потомъ былъ людской моръ, и
помню я: однажды убили человѣка и бросили въ баракъ. Имя его
было Додай Вани. Послѣ этого одного человѣка задушили и вы·
тащили въ поле; конецъ улицы, гдѣ его задушили, и теперь на·
зываютъ Душиловкой. Да вотъ теперь недавно убили человѣка,
имя его было Николай, прозваніе его «Чикидай».

A vot monďāñ jofñe-ś eščo syrā a-ta; šedikili starystatñi jak arašilt vā-lisynt, a go-lovatñā āšt ma-rciñ gak, a ulñi-ś vāliša pokšēs; ulñiś ištama a-ta pek prā-vij, i meñne-št tñnza-tātu-ž. Son vāli-synt ulñi-ś i stary-sta i tafa-, son i čavil, son i žali-l. Māšt χote-l, neñ i tajs. Miñ toža godaqlinik bo-jarnyn gak, kaby a-vul zon. Vāšt-Vāžni-nyñ moda-nt kāfāmsta saš bojar cep ma-pta i karmaš cepēñ targa-mynza vi-cta miñi-k pakšā-nt laḡks. Son koda-k a-rc tože-ñ, meřc: «Lotka-da, koḡ mōlda-da? te miñi-k pakšās, teji-ka-dy jaka-». Boja-rys meřā: «Ton mā-žat?» A son meřā: «Mon ištamyža loma-ñan, koda-mat i ton». — «Ton moñ marta ištā i-ka-kořta-; mon mary-t kořta-ma aka-rman». — «A ne χočeš mary-n gořta-ma, vela-ft i stupa-j festa at gřeχa-». Boja-rys šal-ģi-žā čama-s, vela-fe i tuš. Ištak i pakša-nyk kaḡuḡs. Ombó-cedā Soky-ryn boja-rys vāli-nt lađa-kšnyžā ala luga-nt miji-ms i miji-k syliž. Tātu-ž kyda- ma-raš, kosty biḡā saš, i āšši¹⁾ makst. Boja-rys

А вот мнѣ разсказывалъ еще древнiй старикъ: въ старину въ деревнѣ не было и старость, а о головахъ и не слышали, а былъ сельскiй старшина; былъ такой очень умный старикъ, и называли его «тятюжъ». Онъ былъ на селѣ и староста и отецъ, онъ и наказывалъ, онъ и жалѣлъ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Мы тоже угодили бы барину, если бы не онъ. Однажды, во время обмѣра Вязминской земли, пришелъ баринъ съ цѣпью и сталъ тянуть цѣпь прямо на наше поле. Онъ, какъ прискакалъ туда, сказалъ: «Остановитесь, куда вы идете? Это наше поле, не ходите сюда». Баринъ говоритъ: «Ты кто?» А онъ говоритъ: «Я такой же человекъ, какъ и ты». — «Ты со мной не говори такъ; я не стану говорить съ тобой». — «А не хочешь со мной говорить, вели повернуть и ступай отсюда отъ грѣха». Баринъ плюнулъ ему въ лицо, повернулъ и ушелъ. Такъ и осталось наше поле. Въ другой разъ Сокурскiй баринъ уговорилъ было миръ продать ему нижнiй лугъ и продали было. Когда тятюжъ услышалъ, онъ откуда-то вернулся,

1) āsi.

pek keže·jafé largyzynza; kōrta·ś išta·tt Kokla·ćt; Kokla·ćni
karma·št mary·nza příja·ctva ve·tama, karma·št gošte·ks fānza
sa·kšnuma, i so·n zyñdäst karma·ś jakši·mä. Syñ so·nza lĩti·i
pa·kšau i po·véž, i nejga·k še lĩsmañti mefe·t: Tātuz lĩ·śma, a
lĩsma·ś Sokyryn domba·lä; vašna· ulñi·ś lä·miza Pojga·l lĩ·śma.

Ñej sedĩ mä·jlā vāli·nyk pokše·lgac, i tājst od u·čylña, kolmy
u·čylĩt ājsy·nza: vā·χkiś u·čylĩ, dy kaft' učylĩ·vat. Bĩblio·
tekanyk ulā· čotña·sa; čajny·nyk ulā·; čajny·syñt gramafo·n.

Vaşna· sady·ñ torō·χ vāli·syñt arašĩt. Šeft pe·rvoj pučt
umarčũfta sad Baγamo·lōvenkat. Syñdedest mājla Morō·z Dri·ga.
Ñeñdedä mājla pučt Kandry·χkat; ñeñdedä mājla Dedury·χkat;
ñeñ sady·st afama·riñ. Šedĩ mājla Mardža·j Fe·tka afama·riñ
i uma·riñ, sedĩ mājla Tu·lka Fi·Ika. Tu·lka Fi·Ikañ zady·za pokš
i vadřa·; tefe·dä maksñizä kolmy čašniñ ā·stynza i sa·js Kisynza

не отдаѣ. Баринъ очень разсердился на него; подговорилъ та­
кихъ хохловъ; хохлы стали вести съ нимъ прїязнь, стали при­
ходить къ нему въ гости, и онъ сталъ похаживать къ нимъ. Они
вытащили его въ поле и задушили, и теперь еще тотъ родникъ
называютъ «Тятюжевѣмъ родникомъ», а родникъ на той сто­
ронѣ Сокура; сначала имя его было «Осиновѣй родникъ».

Теперь, послѣ того наше село расширилось, построили новое
училище; въ немъ три учителя: одинъ учитель да двѣ учительницы.
Библіотека у насъ въ конторѣ; у насъ есть чайная; въ чайной
граммофонъ.

Сначала въ селѣ совсѣмъ не было у насъ садовъ. Прежде
всѣхъ разсадили яблоневый садъ Богомолковы. Послѣ нихъ Гри­
горій Морозъ. За нимъ разсадили Кондратьевы; за этими Дѣдуш­
кины; ихъ садъ вишневый. Потомъ Ѳедоръ Мардзѣй вишневый
и яблоневый, потомъ Филиппъ Тулка. Садъ Филиппа Тулки боль­
шой и хорошій; въ нынѣшнемъ году онъ сдалъ три части въ немъ

kafta šatt komš vā·tiji ce·lkovoj. Syndēdest mājļā puēt sad Gavrišynkat, neñdēdā mā·jļā Pīā·šnik Vaska; soñdēdenza mā·jļā Va·šiņkat; ñe·ñdēdest mājļā Atakški·ņkat; Atakški·ņkada mā·jļā Kulūni·ņkat; Kulu·miņka mā·lga Topō·ņkat, a ñe·ñdēdā mājļā Kosē·jiņkat, a ñe·ñdēdā mājļā karmašt išta· ozafñimā ārva tunda, ārva šokšñā, ki žarys kā·ñirā. Ņej vāχki pandyčamanyk vā·ši pižy·l-dā prok ro·una viř.

Kada· vāli·š karma·š puru·muma i puru·mš po·kšsta vāfiša·tt lo·matf, še·sta karma·št šilko·m lāmda·ftumyst. Tājšt tāst ēe·řkova i meřēt tāst: «ramšida pa·zavato». Syn ramši·št vāši Mi·kilat i meřne·št fānza· ru·zyn Vērepaz. Popō·š karma·fñis āsy·st ozno·ma, a syn āšt o·znēsā. Išta· fāviš kua·c molc. Po·pōš mā·št dumaš ponama·řinza marťa? Vot koda son dājs. So·ñc suvi ku·duu lomañi·ñfi, a ponama·řinza kekšcē pazavau·gylyñt ekšc. Suvi ku·dyñfi, kāukscy kудaa·zyryñt: «oznē·šat ru·zyn Vēre-

и взял за нихъ 225 рублей. Послѣ нихъ разсадили садъ Гаврюпины, послѣ тѣхъ Василій Пряшникъ, послѣ него Васильевы; послѣ нихъ Кочетковы; послѣ Кочетковыхъ Кулумины, послѣ Кулуминыхъ Топонькины а послѣ нихъ Косые, а послѣ нихъ стали разсаживать каждую вѣсну, каждую осень, кто сколько успѣтъ. Теперь одинъ склонъ нашей горы весь зеленѣется, словно лѣсъ.

Когда село стало собираться и увеличилось до пятисотъ чело-вѣкъ, тогда заставляли ихъ креститься силкомъ. Построили имъ церковь и сказали имъ: «накупите иконъ». Они всё купили иконы св. Николая и называли его русскимъ Богомъ. Священникъ заставлялъ ихъ молиться, а они не молились. Такъ продолжалось долго. Что же придумали священникъ съ пономаремъ? Вотъ какъ онъ сдѣлалъ. Самъ онъ войдетъ въ домъ къ чело-вѣку, а пономаря спрячетъ за уголъ, гдѣ икона. Войдетъ въ домъ, спроситъ хозяина

pa·zyńti?» Te me·rä: «oznò·śan». — «A ma·ńcat äsyn?» — «Ara·ś, kãũkśti·k sońce·nza». Te a·rò koleŋkalaŋks, če·kã-pokã· i šãr-ğidã: «Микола милостивый, скажи мнѣ, молится тебѣ сей рабъ съ чадами, или нѣтъ?» A še u·gylyńt e·kśta i me·rä: «нѣтъ!» Še·sty po·pòs še lo·mańiń peldã saja· vãti ce·lkovyŋt šėngi·s, šty son ao·znò. A bidã ombò·cedã sy, šesta kã·mĩn. Vãŋki lomań mãšt fãjs? Po·pòs kyda tuś ke·ctėnza, son keženba·čk Mi·kilańt šã·I·mĩnza saji·ńžã dy ta·rgĩnžã. Popò·ś saś, vany Mi·kilańt šãlmi·nza țarga·ft. Šesta po·pòs sa·js peldėnza komś vã·tija ce·lkovoj i tuś. Rama·fc od pa·zava. Te ra·maś od. Popò·ś saś, va·nyžã. «Ramĩt?» — «Ramĩ·ń». — «Oznò·śat?» — «Oznò·śau». Popò·ś tagy kãũkśtižã Mi·kilańt, tagy me·rä: «нѣтъ!» Pėtnacat ruble·j peldė·nza sajs. Mãjlã te mãšt fã·js lo·mańis? Saji·žã paza·vańt, lif·ti·žã ka·rdazu. Songa ulĩiśt anduma·sa ko·lmy tu·vynza. Son še pa·zavańt tu·vyń pilga·luŋ ka·jizã. Po·pòs saś, paza·vas ara·ś. Kãũkśnã: «Dy pa·zavat kosa?» — «A ki so·dasy? Čãj mon äsynza a

дома: «молишься ты русскому Богу»? Тотъ скажетъ: «молюсь». — «Не обманываешь меня?» — «Нѣтъ, спроси его самого». Потомъ становится на колѣни, перекрестится и закричитъ: «Никола милостивый, скажи мнѣ, молится сей рабъ съ чадами или нѣтъ?» А тотъ изъ за угла и скажетъ «нѣтъ!» Тогда священникъ возьметъ съ человѣка пять рублей за то, что онъ не молится. А если придетъ въ другой разъ, то десять. Что же сдѣлалъ одинъ человекъ? Когда священникъ ушелъ отъ него, онъ въ сердцахъ взялъ и вырвалъ у Николы глаза. Пришелъ священникъ, видитъ, что глаза у Николы вырваны. Тогда священникъ взялъ съ него двадцать пять рублей и ушелъ. Заставилъ купить новую икону. Этотъ купилъ новую. Священникъ пришелъ, осмотрѣлъ ее. «Купилъ?» — «Купилъ». — «Молишься?» — «Молюсь». Священникъ спросилъ опять Николу, (тотъ) опять говорить: «нѣтъ!» Взялъ съ него пятнадцать рублей. Что же сдѣлалъ потомъ этотъ человекъ? Взялъ икону, вытащилъ ее на дворъ. У него откармливались три

ki·rdan; sońceń Pazyń vo·laza, koŋ dunä, toŋ mo·lä». Popó·ś pädäs ä·zynza: «bidī, mērā, atusak tej, ša·dy ce·lkovoj pē·ldet saja·n.» — «Dy ko·sta mon sajsa? Vēd' mon Vērepa·zynt maṛta aja·kšan. Ki·zdasy· koŋ son tuś. Äžñi· neje·ž by·ta songa, iša·k jaka·ś ka·r·dazga, a koŋ duś ne zna·j. Adada, paža·lyj, vašñi·syñik». Liśēt, karmašt vašñi·mä; vašñi·št, vašñi·št; ara·ś kosēja·k. Popós i mērā: «Koda· so·dat vašñi·k, nu muji·k; a bidä amu·sak, to ša·dy ce·lkovoj pēldet, dava·j šiča·s». Tē vancy· tāft apart. Molē kar·dynt ma·las i šä·rgic: «vantta·, bačka·, o·na še·doska u·gylnys ruda·jsynt avy·I li son?» — «Ta·rgika!» Ta·rgiz. Vany·t, pra·vdyj son. Popós mē·rā: «Dy ton mäks te·zēñ kajik?» — «Ara·ś, te mērā. «Dy e·na mäks son te·sa?» — «Dy vēd' mon azda·sa; vany·k, guļajäs vāt; dy kudu·u samsta kudykāñkšys äž mu·jiñ, suva·ś te kāñkšynti i·ričtyñ pačk i praš ru·dazynti; a tu·vytnä kodatt! Syñ ša·jtan ito čalksi·t. A mon dīva·n, koda ešcy äzi·ž säñ koṛ·mē·neceñ!» Popós i mē·rā: «mäšt keñge·lat? miñik Vērepa·zynk

свинья. Онъ бросилъ ту икону свиньямъ подѣ ноги. Пришелъ священникъ, иконы нѣтъ. Спрашиваетъ: «а икона твоя гдѣ?» — «А кто ее знаетъ? Чай я ее не держу; своя Божья воля, куда задумаетъ, туда пойдетъ». Священникъ пристагъ къ нему: «если, говорить, ты ее не принесешь сюда, я возму съ тебя сто рублей». — «Да откуда я его возму? Вѣдь я не хожу съ Богомъ. Кто знаетъ, куда онъ ушелъ. Дѣти, кажется, видѣли его вчера, онъ ходилъ по двору, а куда ушелъ; не знаю. Пойдемте, пожалуй, поищемъ». Вышли, стали искать; искали, искали; нигдѣ нѣтъ. Священникъ и говорить: «какъ знаешь, ищи, но найди, а если не найдешь, то сто рублей съ тебя, давай сейчасъ». Этотъ видитъ — дѣло плохо. Подошелъ къ хлѣву и закричалъ: «смотри·ка, батюшка, вотъ этотъ уголокъ доски въ грязи, не онъ ли?» — «Вытащи·ка!» Вытащили. Смотрятъ, правда она (икона). Священникъ говорить: «да ты отчего ее сюда бросилъ?» — «Нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ. «Такъ какъ же она тамъ?» — «Да вѣдь я не знаю; видно, гулялъ

vina·da asi·mā». — «Nu moža ugarijās da līšc vā·nīlīj». — «Tagy·keņgelat, vēd son ču·fytū, a·nīcīk šo·rmađuf lomañli·ks, a son a šī·mā, a ja·rcā, a u·garijā, a ja·kā». — «A māks ena kortā, a čufñā·ako·rīñef, a son atkeņgelā fāf, buta mon ao·znan dānza». Še·dī mājļā popò·s pañda išta kāñkšñims. Ala·myñ a·lamyñ karma·št naro·dēs kak čarkydīmā i ozno·ma. A nej oznē·t pēk i sodē·t kiñi·ñ oznē·t; ārvā·čki pa·zavanť lāmi·za soñceñ.

A vot mon jofta·n dāt, koda·my ulñi·škulu·ma, lāmi·nga jak a·zdasa. Ton loma·ñiis jaly mēret sodē·cat, azda·sak lī, koda·ma še kulu·maš? Loma·ñiis koda·k pry, vāši ra·uškadā i ku·lā. Šesta vot koda kulēi·št; kalma·ma jak ašt kā·nīrkšñā. Mā·jļā vāliñt čury·ž·pīriž, ala·myñ a·lamyñ lo·tkaš. A eščo· ulñi·š ku·luma,

ночью, да идя домой, не нашель избной двери, вошелъ въ эту дверь съ пьяна и упалъ въ грязь; а свиньи какія! онѣ шайтана и того затопчуть. А я дивлюсь, какъ онѣ его кормильца еще не съѣли». Священникъ и говорить: «зачѣмъ ты клеветишь? нашъ Богъ не пьетъ вина». — «Но, можетъ быть, онъ угорѣлъ и вышелъ на дворъ». — «Опять клеветишь; вѣдь она (икона) деревянная, только расписана по образу человѣка, а она не пьетъ, не ѣстъ, не угораеть, не ходить». — «Такъ какъ же она говоритъ, а деревья не говорятъ; а она вотъ клевететь тебѣ, будто я ей не молюсь». Послѣ этого священникъ пересталъ такъ спрашивать. Понемногу народъ сталъ также понимать и молиться. А теперь много молятся и знаютъ, кому молятся; у каждой иконы свое имя.

А вотъ я расскажу тебѣ, какой былъ моръ, и имени его я не знаю. Ты человѣкъ знающій—всѣ говорятъ, не знаешь ли, что это за моръ? Человѣкъ, какъ заболѣеть, весь почернѣть и помереть. Тогда вотъ какъ помирали; не успѣвали даже хоронить. Потомъ село «окружили», и (моръ) понемногу прекратился. А еще

gara·zda májľá: loma·ni·ńi pädä pśku·n i uksnu·mā i samy·nza targa·tyť; loma·ńis pišcy·ffā kafty·kolmy čy i kulā, a ľija·viŕi·mā. Aty vot avy·ľ umyk ulńis, teń ton gak po·mńasa·k! — «Da, teń mon pomńā·sa, mon eščo beřāń goděńť kak pomńāsa, kyda jarcy·ńik ańcik katfa·ń pača·ľkśidā dy kotońne·ķtā». — X'e, brat, ara·ždā te beřāń god? Sura u·ľńis, muška vadřaľ, katfatńā partyľť, te āra·mys ešcy ma·śińća iki·ľiń beřāń go·tněń ko·ras. Moń po·mńamga vāšť ulńisť kolmy gott řac beřā·ťť. Tašty šu·ryťńiń sā·viž, miń ma·rěty ja·rcyńik, a dedu·žym jo·fńes: še śisim gott ulńisť, šesta loma·ťńā sē·řada jara·šť. Lomatńā jaka·šť prok su·ľij ¹⁾. Tožy, brat, lamy·ťāf'ńi· ulńisť; ikil'i vid' avyľ iśta āřā·šť, koda·ńej: šu·ryť la·ma, miji·ķ—ja·rmakńiń žeps; šu·ryť araś, moľť baza·ruń, ramak. A baza·rys ulńi·ś šediki·ľā ańcik Petrośke·jsa, a šury·ś ulńi·ś pondē·ś pā·tak, a pifcy·čāťńā ulńisť ģri·vna čys. Dy ju-

былъ моръ гораздо позже: къ челоуѣку привяжется поносъ и рвота, и судорога вѣдетъ его; челоуѣкъ пострадаетъ два три дня и помретъ, а другой оправится. А то вотъ недавно былъ, и ты его (этотъ моръ) помнишь!—«Да, я его помню, я еще помню и плохой годъ, когда мы ѣли только картофельные блины и тертый картофель».—Хе, братъ, развѣ плохой былъ этотъ годъ? Былъ ячмень, конопля были хорошіе, картофель хорошій, это житье еще масляница противъ прежнихъ плохихъ годовъ. На моей памяти однажды три года подъ рядъ были плохи. Старый хлѣбъ съѣли, мы ѣли лебеду, а дѣдушка мой рассказывалъ: тѣ семь лѣтъ были (плохими), тогда люди ѣли желуди. Люди ходили какъ тѣни. Тоже, братъ, много было дѣла; вѣдь раньше жили не такъ, какъ теперь: хлѣба много, продай—деньги въ карманъ; хлѣба нѣтъ, иди на базаръ, купи. А базаръ въ старину былъ только въ Петровскѣ, а хлѣбъ былъ по пятаку за пудовку, а молотилыщики по гривнѣ на день. Да проѣхать нельзя никакъ; черезъ лѣса (ѣхать) боишься: либо звѣрь

1) su. liŕi.

ta.ms kak a koda., vi.fǵínín bačk pála.t: líby žvef šežne.fanzat,
líby loma.n žauða.nzat. Šediki.lā avyl baza.rt, me.lńecat kak
ara.šilt, sopožnekt ka.k ara.šilt; māšt kak āšt ramšā, āšt mi.kšni
jak.

тебя съѣсть, либо человекъ убить. Въ старину не то, что база-
ровъ, а даже мельницъ не было, и сапожниковъ даже не было;
и ничего не покупали и не продавали. ¹⁾

1) Мы не пришлось записать другихъ преданій, связанныхъ съ с. Ор-
кинымъ. Нѣкоторые изъ нихъ, записанныя въ семидесятыхъ годахъ прош-
лаго столѣтія, помѣщены ниже въ приложеніи, въ очеркѣ А. Н. Минха.
Впрочемъ, Мордва вспоминаетъ еще Тюцаня (T'ušān ílazug), подъ поддан-
ствомъ котораго она находилась. «Царь Тюцанъ, рассказываютъ они, ушелъ
съ народомъ за большія воды, а мы подались сюда», но откуда онъ ушелъ не-
извѣстно. Старики и сейчасъ вспоминаютъ Тюцаня, говоря такъ: «B'idā T'u-
šān k'apíđā vojna, šesta píngís k'ugyk jumā; son b'idā karmā ošovama vāsij mas-
tyrńiń šadsuǵā; māj'l'a i píngís kak jumā» (т. е. если Тюцанъ начнетъ войну,
тогда міръ скоро погибнетъ; если онъ начнетъ воевать, онъ разоритъ всѣ
страны; потомъ и міръ погибнетъ). Ср. пѣсню «Тюптя азоръ» въ Обр. морд.
нар. сл. I, № XX.